

— Я вчера перепил, — наконец произнес Валентин, хмурясь и глядя куда-то в сторону.

Я не знал, что ответить, лишь мельком взглянул на его растрепанные светлые волосы и, глупо кивая, пробормотал:

— Ты же говорил, что никогда не напиваешься.

Он едва заметно дернул бровью, словно не понимая, о чем речь, но тут же откашлялся и выпалил невероятно быстро:

— Стоит мне перебрать, как я начинаю творить всякую чушь, так что не обращай внимания. Прости за прошлую ночь. Если не хочешь меня видеть, я могу уйти к матери...

Я быстро отступил назад и присел перед ним на корточки.

— Валентин, — я поднял голову и взял его за руки, — но я-то не был пьян.

Он уставился на меня, пытаясь высвободить руки, и нервно затараторил:

— Если ты говоришь это только для того, чтобы утешить меня, то совершенно зря. И даже не думай заговаривать о том, чтобы уйти — куда ты собрался? Черт возьми, я же прекрасно знал, что, напившись, натворю дел, о которых буду жалеть... Господи, я ведь даже не знал, что напился!

— Ты жалеешь, Валентин? — я бережно обхватил ладонями его руки, медленно поднес их к лицу, вдыхая аромат кожи, и тихо спросил: — Ты жалеешь?

Последовала пауза.

— А ты? Ты жалеешь? — переспросил он.

Я начал целовать его пальцы, костяшки, ладони; он перестал пытаться вырваться. Я ответил, что ни о чем не жалею.

Не лги мне, — голос его слегка дрожал, слова звучали невнятно, почти умоляюще.

Я не понимал, почему он всегда так действует на меня — всего лишь несколько слов, но от них мои внутренности словно загорались, а в горле будто застрял нож, вызывая острую боль. Я ничего не сказал, лишь снова откинул одеяло, потянулся к его члену и, склонившись, взял его в рот.

— Черт, Иван! — Валентин вздрогнул от неожиданности и поспешно подался назад, но я прижал его за колени и, не сводя с него глаз, начал ласкать языком головку. Вскоре он не выдержал, его бедра задрожали, и, выбрав момент, я взял его глубже. Размер у него был внушительный, проглотить его оказалось нелегко, горло сдавило от боли, но я пустил в ход всё свое умение, изо всех сил стараясь доставить ему удовольствие. Я думал, что если он не верит моим словам, то хотя бы поверит моим чувствам.

— Ты настоящий безумец, Иван, — он начал тяжело дышать, и его большая ладонь потянулась к моим волосам, — точь-в-точь как тогда.

Его член начал двигаться в моем рту всё свободнее, раздались влажные звуки, я потянулся рукой к его мошонке, сжимая ее, отчего его грудь начала тяжело вздыматься, а дыхание сбилось. Не знаю, сколько прошло времени, но он в конце концов не выдержал. Меня заставило закашляться, я принялся бить себя в грудь, а он откинулся на спинку дивана, лениво наблюдая за моим кашлем, и даже не подумал извиниться.

Когда я вернулся после того, как прополоскал рот, Валентина на диване уже не было — он перебрался на широкую кровать в спальне. Я прижался к нему, просунул руку под одеяло, обнял за талию и прошептал на ухо:

— Теперь понял, что на диване неудобно?

Он хмыкнул и легонько пнул меня ногой:

— Ты всё залил, устроил тут беспорядок. Спать невозможно! — после чего добавил: — Вот высохнет, и я уйду.

Я поспешно притянул его к себе, одновременно вымаливая прощение и покусывая за ухо:

— Ну уж нет, я сейчас еще ведро воды вылью. Ты останешься здесь, будем обниматься, как прошлой ночью.

— Что хочу, то и ворочу? С чего бы это? — он внезапно разозлился и воскликнул: — Я пойду спать на диван, кто вообще хочет с тобой обниматься!

— Ты всё еще мне не веришь, да? — я вздохнул, пытаюсь повернуться к нему лицом, но как бы я ни старался, он не желал поворачиваться, поэтому мне пришлось говорить, уткнувшись в его спину: — Валентин, я благодарен тебе за всё, что ты сделал для меня, правда. Даже если ты делал это не для меня нынешнего, а для того, прежнего.

Его плечи слегка напряглись, а я продолжил:

— Ты на меня злишься, верно? Я это вижу. Но я совсем не помню, что случилось раньше.

Может, расскажешь? Ладно, не хочешь — не надо. Должно быть, я причинил тебе боль — тот «я» из прошлого причинил тебе боль. Не отрицаешь? Значит, так оно и есть. Я понимаю, почему ты не хочешь мне верить. Но знаешь, что я думаю, Валя?

Валентин молчал, словно уснул, но я видел, как подрагивают его ресницы — он наверняка наострил уши, чтобы не пропустить ни слова.

— Я думаю так: «Должно быть, в прошлой жизни я совершил нечто невероятное, раз в этой, проснувшись, обрел ангела в качестве возлюбленного». Вот что я чувствую, Валя. С самого первого мгновения, как открыл глаза. Ты, может, и думаешь, что я тебя забыл, но это не значит, что я тебя не люблю. Осмелюсь сказать: держу пари, прежний я любил тебя безмерно. Почему? Потому что каждый твой плач, каждая улыбка заставляют мое сердце болеть совершенно необъяснимым образом. Ты знаешь, как сильно мне хотелось поцеловать тебя там, на снегу? Знаешь, как сейчас мечется мое сердце?

Сейчас, веришь ты мне или нет, я всё равно скажу это: Валентин Викторович, мой Валя, мой ангел, я люблю тебя вечно. Снова и снова. Я буду любить тебя бесконечно.

Он долго молчал, а у меня не осталось сил, я больше не мог крепко его обнимать. Как раз в тот момент, когда моя рука соскользнула с его талии, Валентин внезапно схватил меня за запястье. Его ладонь была широкой, теплой и невероятно решительной.

— Yellow blue bus, — ответил он.

С тех пор каждую ночь Валентин ютился со мной на одной кровати. Не знаю, где он раздобыл проектор, но как только садилось солнце, мы забирались под одеяло и смотрели фильмы. Обычно выбор был за мной, но найти фильмы с русскими субтитрами на пиратских сайтах было почти невозможно, так что ему приходилось мириться с английскими. Английский он знал плохо, поэтому первые полчаса смотрел очень внимательно, а потом засыпал. В такие моменты мое сердце таяло, мне было уже не до фильма, я только и делал, что целовал его. Иногда он просыпался, но чаще просто что-то невнятно бормотал, широко раскидывал руки, заключая меня в объятия, и больше не двигался.

Потеряв работу, он не мог сидеть без дела и то и дело принимался за готовку. К плите он меня по-прежнему не подпускал, разрешал только помогать по мелочи. У Валентина всё зависело от случая: мясные закуски и красный суп у него выходили божественно, а вот жареное мясо и овощи — совсем никак. Стоило им попасть на сковородку, как их судьба была предрешена — прямая дорога в мусорное ведро. Неясно почему, но выходило либо пресно, либо пересолено, либо с каким-то странным привкусом — словом, проглотить это было невозможно. Позже я понял: Валентин был мастер готовить на большую компанию — стоило порции стать побольше, как ему становилось легче всё контролировать. Он сыпал специи горстями, яростно работал огромной поварешкой — готовка в его исполнении больше походила на тяжелый физический труд, но почему-то это зрелище казалось мне довольно героическим.